

© 1996 г.

Н.И. ЛАПИН

МОДЕРНИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН

ЛАПИН Николай Иванович - член-корреспондент РАН, руководитель Центра исследований динамики ценностей Института философии РАН.

Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания.

Н.А. БЕРДЯЕВ [1]

Ценности - не вспомогательная пристройка к экономике и политике, а обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия. На основе этих ориентиров складываются конкретные типы поведения, в том числе социокультурные типы отношений россиян к политической и экономической трансформации нашей страны.

Повторное всероссийское исследование ценностей

Завершено повторное всероссийское исследование «Наши ценности сегодня». Первое исследование было проведено в 1990 г. Его результаты получили отражение в книге «Кризисный социум» [2] и журнальных публикациях, в том числе в «Социологических исследованиях» [3, 4]. Второе исследование осуществлено в 1994 г. От первого его отделяет целая эпоха в истории России: эпоха начала социокультурной трансформации российского общества в направлении политической демократии и рыночной экономики. В настоящей статье обобщенно представлены результаты двух исследований. Более полное отражение они получили в рукописи книги коллектива авторов, одноименной названию проекта, выход которой в свет предполагается в 1996 г., при финансовой поддержке РГНФ.

Оба исследования проведены одним и тем же коллективом социологов¹, действо-

Статья подготовлена в рамках инициативного проекта «Динамика ценностей населения реформируемой России» (код 93-06-10073), осуществленного в 1993-1995 гг. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

¹ Участники исследований: чл.-корр. РАН Н.И. Лапин, руководитель проекта; д-ра филос. наук: А.Г. Здравомыслов, С.В. Туманов, В.А. Ядов; канд. филос. наук: Л.А. Беляева, Г.М. Денисовский, А.Г. Климов, П.М. Козырева, В.В. Колбановский, В.Ю. Копылова, Н.Ф. Наумова.

Полевые работы по получению первичных данных проведены в 1990 г. группой студентов и аспирантов социологического факультета МГУ (руководитель Б.Г. Григорьев), в 1994 г. - Центром социального прогнозирования и маркетинга (директор Ф.Э. Шереги).

В обработке данных участвовали: И.Е. Ахvatкина, Р. Богрычов.

вавшим в составе Центра исследований динамики ценностей при Институте философии РАН. В качестве основного инструментария использовалось формализованное интервью. Ключевым в бланке интервью является блок «альтернативные ценности». Он состоит из 22-х пар суждений, взятых из повседневной жизни и представляющих 14 базовых ценностей. Каждая пара суждений заключает в себе ценностную альтернативу, обе стороны которой выражены в позитивной форме. Этот блок вопросов без изменений воспроизведен в повторном исследовании.

Наряду с этим, интервью содержит такие блоки: «объективные сведения о респонденте», «виды и состояния отчуждения», «состояния кризисного сознания», «предпочитаемые типы занятий». В совокупности они позволили получить данные по широкому кругу социальных, культурных, политических, экономических и других проблем. Удалось получить эти данные (по хорошо сопоставимой методике) дважды: летом 1990 г. и весной 1994 г.

Полевые работы проводились по всероссийской выборке, включающей все виды населенных пунктов, в форме бесед с респондентами по месту жительства (на дому). Кроме того, в первом исследовании была дополнительная выборка в трех «горячих точках» социальных напряженностей (районы шахтерских забастовок). В первом исследовании опрошены 973 и 445 человек, во втором - 1 062 человека: всего получено 2 480 интервью, каждое длилось не менее полутора часов.

Несмотря на большой объем каждого интервью качество ответов на вопросы в целом оказалось удовлетворительным, процент «нулевых ответов» нормальный. По большинству параметров (пол, возраст, образование, национальность и др.) массивы опрошенных соответствуют статистическим данным. Лишь удельный вес интеллигенции в обоих исследованиях оказался существенно выше статистического. Во втором исследовании оказалось недостаточно лиц пенсионного возраста и с незаконченным средним образованием. Чтобы достичь соответствия, была проведена математическая процедура «перевзвешивания» массивов.

Штрихи к социальному самочувствию россиян

Вот некоторые данные о респондентах наших исследований, а ввиду репрезентативности выборки - это и штрихи к социальному портрету россиян, вернее - их социальному самочувствию. Первая цифра в приводимых данных относится к 1994 г., вторая (в скобках) - к 1990 г.

Среди опрошенных 26 (20) % непосредственно сталкивались с репрессиями в годы советской власти: были репрессированы они сами или их родственники. У 75 (47)% среди родственников есть убитые и/или раненые в различных войнах с 1918 г. Считают себя верующими 47,5%, относят себя к нерелигиозным людям 41,5% (в 1990 г. не было таких вопросов); среди верующих исповедуют христианство 87(66,8)%, мусульманство - 7,1(9,8)%, буддизм - 0,2(0,5)%, другие религии - 4,1(7,7)%.

Распространены одиночество и ощущение незащищенности. В том населенном пункте, где проживают респонденты, у 23,7(21,6)% нет родственником, у 22,4(20,0)% нет друзей. В 1994 г. россияне чувствовали себя значительно менее защищенными, чем в 1990 г., от хулиганских групп - 87,5(58,1)%.. от организованной преступности 89,5(54,5)%, от экологической угрозы - 85,6 (71,0)%. Заметно возросла незащищенность в большинстве сфер жизни: на территории проживания - 59,2(37,4)%, от бедности и бездомности - 55,1(28,9)%, от одиночества и заброшенности - 43,3(25,2)%. от ощущения, что жизнь зашла в тупик - 51,5(26,2)%.

Но современная российская реальность неоднозначна. Если посмотреть на структуру проблем, беспокоивших россиян в 1994 г. в сравнении с 1990 г., то нетрудно заметить не только обострение одних проблем, но и значительное ослабление других. прежде очень острых. Резко снизилась доля людей, которых «очень беспокоят» такие повседневные проблемы как: недостаток предметов первой необходимости 14,5(48,1)%, недостаток продуктов питания - 21,2(52,0)%, недостаток товаров длительного пользования - 14,7(47,1)%.

Поэтому неоднозначно и социальное самочувствие россиян. С одной стороны, в два и более раза снизилась доля удовлетворенных своей жизнью в целом (с 40% в 1990 г. до 17% в 1994 г.) и уверенных в своем будущем. С другой стороны, стабилизировались и немного повысились оценки своей жизни в краткосрочном плане: если в 1990 г. лишь 13% опрошенных сказали, что стали жить лучше по сравнению с предшествующим годом и будут жить лучше в будущем году, то в 1994 г. таких ответов мы получили соответственно от 21% и 16,5% респондентов: негативные же оценки уменьшились или остались на прежнем уровне.

Значит, некорректно спешить навстречу однозначным выводам. Необходимо осмслительно проанализировать всю совокупность данных, характеризующих состояние и динамику ценностей россиян, их социального фона и возможных последствий. Это составляет главную задачу исследования и основную трудность на путях ее решения.

Типология ценностей, исследуемые базовые ценности

Ценности - это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она в свою очередь оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе [5].

Типология ценностей

Имеется несколько оснований для типологии ценностей.

Поскольку ценности влияют на поведение людей во всех сферах их жизнедеятельности, то простейшим основанием для их типологии является их конкретное *предметное содержание*. По этому основанию различают ценности социальные, культурные, экономические, политические, духовные и т.д. Специалисты насчитывают многие десятки, даже сотни таких ценностей. А если связывать ценности с качествами, способностями, чертами личности, то Олпорт и Одберт насчитали таких черт 18 (XXI. а Андерсон сумел сократить этот список сначала до 555. затем до 200 названий.

Но наиболее общих, *базовых ценностей*, составляющих основание ценностного сознания людей и подспудно влияющих на их поступки в различных областях жизни, не так много Их число оказывается минимальным, если соотносить ценности с потребностями людей: Фрейд предложил ограничиться двумя. Маслоу пятью потребностями-ценностями. Муррей сформировал список из 28 ценностей. Рокич оценил число терминальных ценностей в полторы дюжины, а инструментальных - в пять-шесть дюжин, но эмпирически исследовал по 18 тех и других. Словом, речь идет о двух-четырёх десятках базовых ценностей.

Они формируются в период так называемой первичной социализации индивида, к 18-20 годам, а затем остаются достаточно стабильными, претерпевая существенные изменения лишь в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды. Изменения затрагивают не столько состав, сколько структуру ценностей, т.е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми. В этом выражается изменение их социокультурного смысла для индивидов и других социальных субъектов.

С точки зрения социокультурного смысла ценностей наиболее фундаментальным основанием для их типологии является различение терминальных и инструментальных

ценностей. *Терминальные, или целевые ценности* обобщенно выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей - такие как ценность человеческой жизни, семьи, межличных отношений, свободы, труда и аналогичные им. Их в свою очередь подразделяют на личностные и социальные.

В *инструментальных ценностях* запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения целей. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с другой - качества, способности людей (такие как независимость, инициативность, авторитетность и др.).

По определению, целевые ценности более устойчивы и имеют более высокий статус по сравнению с терминальными ценностями. Это подтверждается и эмпирическими данными [6, 7].

Другим основанием типологии ценностей может служить их отнесение к соответствующим *потребностям индивидов*: витальным - простейшим или первичным потребностям, значимым для сохранения и продолжения жизни (благополучие, комфорт, безопасность); интеракционистским - более сложным потребностям в общении, взаимодействии с другими людьми; социализационным - еще более сложным потребностям в усвоении ценностей, норм, образцов поведения, одобряемых в данном этносе, обществе, культуре; смысложизненным - высшим по сложности и функциям потребностям в наполнении своей деятельности общим смыслом, значимым для всей жизни.

Важным социокультурным основанием типологии ценностей является их отнесение с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой возникла данная ценность или к которому она по преимуществу относится. Под этим культурно-генетическим углом зрения различаются: *традиционные ценности*, или ценности обществ традиционного типа, ориентированных на сохранение и воспроизводство давно сложившихся целей и норм жизни; *современные ценности*, или ценности обществ типа modernity, ориентированных на инновации и прогресс в достижении рациональных целей; кроме того, на наш взгляд, следует учитывать существование *общечеловеческих ценностей*, в равной мере свойственных традиционным и современным обществам, хотя большинство из них (но не все) возникли в традиционных обществах как исторически более ранних.

По функциональному основанию, т.е. по роли ценностей для функционирования и развития общества как целостной системы важно видеть различие между преимущественно *интегрирующими* и преимущественно *дифференцирующими* ценностями. Но такое различие не может быть априорным. По определению, все ценности позитивны (негативны анти-ценности) и интегрируют ту или иную часть индивидов. Но интенсивность осуществления этой функции зависит от масштабов распространения конкретной ценности среди членов данного общества на определенном этапе его развития: если эту ценность одобряет большинство членов общества, ее можно считать интегрирующей; если же ее одобряет меньшинство, то она оказывается дифференцирующей. По мере развития общества функциональная роль конкретных ценностей может изменяться: дифференцирующие ценности становятся интегрирующими и наоборот.

Мы полагаем, что по функциональному основанию можно также различать *одобряемые* и *отрицаемые* ценности. В данном исследовании в качестве одобряемых принимаются те ценности, которые поддерживают больше респондентов, чем отрицают. Соответственно, отрицаемые - это те ценности, которые отрицают больше респондентов, чем одобряют.

Заметим, что дифференциация ценностей на одобряемые и отрицаемые не имеет ничего общего с делением их на «хорошие», положительные и «плохие», отрицательные. Речь идет о другом: разные люди по-разному относятся к одним и тем же ценностям, выстраивают разную их иерархию в своем сознании. В этом состоит одна из трудностей понимания и изучения ценностного сознания. На ее преодоление и направлена изложенная выше типология ценностей по нескольким основаниям (критериям).

Для прикладных целей особое значение приобретает типология ценностей по их месту в *статусно-иерархической структуре ценностного сознания* членов общества. С учетом результатов эмпирических исследований, в том числе нашего, по этому основанию можно выделить четыре группы ценностей:

- ценности высшего статуса, «ядро» ценностной структуры;
- ценности среднего статуса, которые могут перемещаться в состав ядра или на периферию, поэтому их можно представить как «структурный резерв»;
- ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, или «периферию» - они также подвижны и могут перемещаться в «резерв» или в «хвост»;
- ценности низшего статуса, или упомянутый «хвост» ценностной структуры, состав которого малоподвижен [8].

Ценностное ядро можно охарактеризовать как доминирующую в общественном сознании группу ценностей, которые интегрируют общество или иную социальную общность в некоторое целое (по нашим данным, к ним относятся те ценности, которые одобряют свыше 60% населения).

Структурный резерв находится между доминированием и оппозицией, он служит той областью, где наиболее интенсивно проявляются ценностные конфликты между индивидами и социальными группами, а также внутриличностные конфликты (в среднем, такие ценности одобряют 45-60% населения).

Периферия включает в себя оппозиционные ценности (их одобряют примерно 30-45% населения), разделяющие членов данной общности на приверженцев существенно разных, подчас несовместимых ценностей и потому вызывающие наиболее острые конфликты.

Наконец, в *хвосте* оказываются ценности явного меньшинства, отличающегося от остальных членов общности большей стабильностью своих ориентаций, унаследованных от прошлых пластов культуры (их одобряют менее 30% населения).

Исследуемые базовые ценности²

Чем же характеризуется ценностное сознание россиян? Какие произошли в нем изменения за последние годы? Ответы на эти вопросы мы как раз и стремились получить с помощью тех двух всероссийских исследований, о которых сказано в начале статьи. После приведенной выше характеристики общей типологии ценностей сосредоточим внимание на самих базовых ценностях, составивших стержень исследований.

Сформировать совокупность базовых ценностей, которые бы улавливали специфику ценностного сознания населения в кризисно-реформируемом обществе, - довольно сложная задача. После ряда экспериментов группа разработчиков пришла к оптимальному перечню из 14 базовых ценностей, или ценностных понятий. Ниже приводится краткая их характеристика:

1. *жизнь* человека как высшая ценность, самоценность;
2. *свобода* в современном, либеральном значении этого термина как «свободы для...» реализации социально позитивных потребностей и способностей индивида;
3. *нравственность* как качество поведения человека в соответствии с общечеловеческими морально-этическими нормами;
4. *общение* в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь;
5. *семья*, личное счастье, продолжение рода;
6. *работа* как самоценный смысл жизни и как средство для заработка;
7. *благополучие* - доходы, комфорт своей жизни, здоровье;
8. *инициативность*, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться;
9. *традиционность* - уважение к традициям, жить как все. зависимость от окружающих обстоятельств;

² В этом подразделе использованы разработки В.Ю. Копыловой.

10. *независимость*, способность быть индивидуальностью, жить по своим критериям;

11. *самопожертвование* как готовность помогать другим, даже в ущерб себе;

12. *авторитетность* - способность оказывать влияние на других, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться успеха, победы;

13. *законность* как установленный государством порядок, который обеспечивает безопасность индивида, равноправность его отношений с другими;

14. *вольность* как архаичная «свобода от...» ограничений волеизъявлению индивида, тяготеющая к вседозволенности.

Приведенный перечень ценностей удовлетворяет нескольким критериям и позволяет рассматривать исследуемые ценности с учетом различных типологических оснований: это наиболее общие, базовые ценности; они представляют терминальные (№ 1-7) и инструментальные ценности (№ 8-14); их можно соотнести с тем или иным цивилизационным типом общества и с потребностями индивидов (табл. 1); особенно важно, что они позволяют зафиксировать изменения в статусно-иерархической структуре ценностного сознания, в ролевых функциях различных ценностей.

Каждая ценность (ценностное понятие) была операционализирована в виде ценностных суждений, в которых зафиксированы конкретные *аспекты* соответствующих ценностей, наблюдаемые в поведении индивидов. При этом одно суждение может заключать в себе аспекты не одной, а двух, иногда трех ценностей. Так, суждения заботы о детях и стариках содержат аспекты ценности жизни и ценности семьи.

В процедуру операционализации ценностей был заложен ряд методологических принципов;

- принцип необходимой полноты: основные аспекты ценностей должны быть представлены в соответствующих ценностных суждениях, раскрывающих сущностное содержание ценностей;

- принцип бытийности: суждения должны выражать формы реального бытия ценностей, каждое должно входить в одну из четырех подсистем потребностей индивидов - витальную, интеракционистскую, социализационную, смысложизненную;

- принцип социокультурной альтернативности: каждый аспект ценностей должен быть представлен в виде альтернативной пары суждений, одно из которых выражает потенциально интегрирующую, а другое - потенциально дифференцирующую функцию на данной стадии эволюции общества; при этом оба суждения каждой пары следовало формулировать в позитивной форме, поскольку речь идет о том, что люди ценят, видят в этом нечто заслуживающее позитивной оценки;

- принцип дополнительности: поскольку суждение может выражать аспект, входящий в содержание различных ценностей, то оно может характеризовать не одну, а несколько ценностей; следовательно, суждения могут работать как источники информации о ценностях не только изолированно, каждое само по себе, а дополняя друг друга.

В результате трудоемкой работы по операционализации ценностных понятий в ценностные суждения и по формированию обратной процедуры обобщения суждений в понятия авторы сформулировали 22 альтернативные пары, т.е. 44 ценностных суждения (см. [2, с. 125-127]). Они образовали четыре подсистемы, релевантные соответствующим потребностям человека:

Первая, *витальная*, является исходной для всех подсистем. В нее вошли суждения, выражающие ценностные аспекты, без которых человек не может поддерживать свое существование: забота о своем здоровье, о самовыражении, о личной безопасности, о детях и стариках, о бедных и нищих.

Во второй, *интеракционистской* подсистеме нашли отражение коммуникативные потребности личности, без которых невозможны передача и обмен информацией, взаимоотношения между людьми; это суждения относительно власти и спокойной совести, равенства возможностей и условий жизни, путей разрешения спорных вопросов.

Социокультурные параметры ценностей

Ценности	Цели-средства		Цивилизационная принадлежность			Соотнесенность с потребностями человека			
	терминальные	инструментальные	традиционные	современные	общечеловеческие	витальные	интеракционистские	социальные	смысловые
1. Жизнь человека	+			+					©
2. Свобода	+			+			+	+	©
3. Нравственность	+				+	+	+		©
4. Общение	+				+		©		
5. Семья	+				+	©	+		©
6. Работа	+				+				©
7. Благополучие	+				+				+
8. Инициативность		+		+			©	+	
9. Традиционность		+	+					©	
10. Независимость		+		+		+		©	
11. Самопожертвование		+				©			
12. Авторитетность		+			+		©		
13. Законность		+		+		©	+		+
14. Вольность		+	+				©		+

+ Соответствие ценностей и социокультурных параметров.

© Наиболее близкое соответствие ценностей и групп потребностей.

В третьей, *социализационной* подсистеме представлены такие ценностные суждения, которые характеризуют предприимчивость, индивидуальность, соотнесение личной жизни с жизнью поколения, выбор страны проживания и др.

Четвертую, *смысловую* подсистему образовали суждения с ключевыми словами, выражающими ценности жизни, добродетели, красоты, свободы и работы.

С помощью этих суждений мы попытались эмпирически зафиксировать изменения в базовых ценностях россиян на небольшом, но исторически переломном для России отрезке времени: 1990-1994 гг.

Плюрализация и либерализация ценностных позиций

Исследования позволили выявить значительные изменения в структуре ценностей россиян. Уже первое исследование 1990 г. зафиксировало, что прежняя идеологизированно-монолитная структура начала трансформироваться в плюральную, дифференцированную на десяток с лишним элементарных ценностных позиций и четыре макропозиции. Повторное исследование 1994 г. показало, что эта дифференциация продолжается. В ценностном сознании населения возникли конфликтные узлы, которые мотивируют поведение различных категорий россиян.

Прежде чем перейти к характеристике этих изменений, обратим внимание на **факт определенной устойчивости отношения россиян к базовым ценностям**, которые были основным предметом изучения. Как и в 1990 г., четыре года спустя респондентам были предложены те же 44 ценностные суждения - в тех же самых формулировках и в той же последовательности.

Поразительно, но факт: несмотря на потрясения, через которые прошел каждый россиянин в 1991-1993 гг., принципиальное отношение к этим суждениям - согласие или несогласие с ними, одобрение или отрицание их ценностного содержания - **осталось почти неизменным!**

Лишь к трем суждениям поменялся знак отношения: суждения с ключевыми словами «комфорт для себя, своей семьи» и «быть яркой индивидуальностью» перешли из категории отрицаемых в категорию одобряемых, а суждение с ключевыми словами «жить как все», напротив, из одобряемых стало отрицаемым. Тем самым почти полностью сохранилось соотношение одобряемых и отрицаемых ценностных суждений: 33:11 (было 32:12).

Как и в 1990 г., в группу *одобряемых* попали суждения с ключевыми словами: самоценность жизни, свобода, забота о ближних и слабых, взаимопомощь, спокойная совесть, равноправный диалог и др. Среди них явно преобладают суждения, содержащие социально интегрирующие ценности. В числе *отрицаемых* оказались: самовольное лишение жизни другого человека, жизнь для себя (а не для потомков), благополучие прежде свободы, равенство доходов, борьба до победы над оппонентами, власть над другими людьми и т.д. Они выражают, как правило, социально дифференцирующие ценности.

Такая устойчивость результатов свидетельствует об определенной надежности списка предъявленных респондентам ценностных суждений. Содержательный же ее смысл состоит прежде всего в том, что кризис ценностного сознания вовсе не означает, как нередко считают, крушения всех прежних ценностей россиян. Отнюдь! Базовые ценности сохраняются как раз потому, что выражают фундаментальные, общечеловеческие ориентиры и нормы поведения. И в сознании россиян они глубоко укоренены - были, остаются и пребудут с нами.

Но, с другой стороны, это вовсе не повод для умиления и малевания благостной картины. Все дело в том, что определенную поддержку, одобрение получают не только одобряемые, но и отрицаемые ценности. И немалую поддержку - от 15% до 30% россиян! Это значит, что отрицаемые ценности - вовсе не ничтожные, а социально весьма значимые.

На первый взгляд, отсюда можно заключить, что дифференциация ценностей на одобряемые и отрицаемые есть одновременно и дифференциация населения страны на две большие категории: одни поддерживают преимущественно одну группу ценностей, а другие - иную. В таком случае задача сводилась бы к поиску соответствующих групп людей, прежде всего социально-профессиональных групп. Но такое заключение было бы наивным заблуждением.

Особенность ценностей как феномена культуры заключается в том, что разные, даже противоположные ценности могут совмещаться в сознании одного человека. Каждый соотносит себя не с какой-то одной ценностью, а с определенной их комбинацией, обычно достаточно противоречивой. Поэтому типология людей по критерию ценностей должна осуществляться по иным правилам, нежели типология населения по социально-профессиональным характеристикам.

Она начинается с построения неких ценностных портретов (образов), релевантных синдромам ценностей, наблюдаемым в сознании реальных индивидов и их групп [7]. Эти синдромы можно обнаруживать интуитивно, путем интеллектуального созерцания ценностных явлений и процессов. Но более надежно выявлять их путем получения эмпирических данных и обобщенного их представления с применением методов корреляционного, факторного и кластерного анализа, таксономических и иных математических процедур.

Факторный анализ степени согласия-несогласия респондентов с предложенными им 44 ценностными суждениями уже в 1990 г. обнаружил значительную плюрализацию ценностного сознания россиян, его разделенность между 11 элементарными ценностными позициями (факторами), непосредственно мотивирующими поведение индивидов. Структурно-корреляционный анализ одобряемых и отрицаемых ценностных суждений выявил четыре макропозиции, отражающие структуру самых базовых ценностей и влияющие на уровень интеграции и дифференциации общества.

Три из четырех макропозиций - одобряемые, т.е. выражают одобряемые ценностные аспекты (суждения), одна - отрицаемая. Среди одобряемых одна - «повседневный гуманизм» - является по своей социальной функции интегрирующей, поскольку к ней тяготеет большинство россиян. Две другие макропозиции - «потребительский конформизм» и «предприимчивый нонконформизм» - дифференцируют население на конфликтующие между собой группы сознания, к каждой из которых тяготеет некоторое меньшинство граждан.

Четвертая макропозиция - «властолюбивый эгоизм» - выражает отрицаемые большинством ценностные аспекты. Она находится в остром конфликте со всеми тремя одобряемыми позициями, что служит выражением резко альтернативного характера отношений между политической властью и гражданским обществом, сложившихся уже в 1990 г., т.е. еще в недрах Советской России. Эта острота лишь вуалировалась существовавшей тогда плотной атмосферой повседневного гуманизма.

Анализ результатов 1994 г. свидетельствует о **нарастании дробности ценностного сознания россиян**: теперь зафиксированы уже не 11, а 14 факторов-позиций. Но дело не только в их количественном увеличении, а и в качественном изменении их содержания. На уровне элементарных ценностных позиций эти изменения частично представлены в приложениях 1 и 2; изменения в макропозициях - в приложении 3. Кратко рассмотрим содержание тех и других изменений в их взаимосвязи.

Из приложения 1 видно, что лишь два фактора-позиции 1990 г. воспроизводятся в 1994 г. довольно близко к прежнему содержанию. Это повседневный гуманизм и властолюбивая достижительность, образующие ядро двух из четырех макропозиций и находящиеся в наиболее острых конфликтных отношениях друг с другом. Остальные 9 факторов-позиций претерпели заметные изменения.

От повседневного к либеральному гуманизму

Наиболее значимой в 1990 г. была позиция *повседневного гуманизма*. Она включала 10 ценностных аспектов, большая часть которых относится к терминальным ценностям - таким как хорошие отношения в семье и с друзьями, спокойная совесть, стремление к добру, правде. Это была единственная элементарная позиция, одновременно представлявшая собой и одну из четырех макропозиций россиян, причем самую обширную, образывавшую общую атмосферу их ценностного сознания. В качестве макропозиции она выполняла функцию основного интегратора, удерживавшего кризисный российский социум от неминуемого, как многим казалось, распада.

В 1994 г. эта макропозиция продолжала оставаться наиболее значимым интегратором общества. Она охватывала 45% одобряемого ценностного пространства и включала уже 15 аспектов. При этом она утратила некоторые прежние аспекты (например, ценность интересной работы переместилась в состав деятельного нонконформизма) и вобрала несколько новых аспектов, из иных ценностных миров - стремление к успеху и предприимчивость. Оба последних аспекта тесно связаны с ценностью семьи, входящей, как увидим ниже, в ядро ценностной структуры россиян. А главное - они оказываются связующими звеньями между элементарными позициями, составляющими гуманистическую макропозицию. Эти и другие новые аспекты позволяют охарактеризовать данную макропозицию уже не просто как «повседневный гуманизм», а как «либеральный гуманизм».

Либеральный гуманизм - это именно **гуманистическая** позиция, остающаяся наиболее влиятельной. Факт ее сохранения принципиально значим, он противостоит легковесным утверждениям о якобы наблюдающемся «одичании» россиян. Но она существенно отличается от позиции 1990 г.

Во-первых, это **дифференцированный гуманизм**, он имеет три грани, воплощаемые в трех элементарных позициях, обращаемых человеком: на самого себя, на своих родителей, на своих детей.

Первую грань, обращенную к самому человеку, можно назвать «исконный гуманизм» (см. приложение 2). Он означает прежде всего утверждение жизни как высшей самоценности, безусловное отрицание за кем-либо права лишить человека жизни. Он видит смысл жизни человека в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода; высоко ценит хорошие семейные и дружеские взаимоотношения; соотносит свою личность с жизнью своего поколения и его местом в истории страны;

питает уважение к сложившимся традициям, обычаям.

Вторую грань, обращенную к родителям, назовем «повседневный гуманизм», представляющий ядро прежней макропозиции. Это забота о стариках не меньше, чем о детях, ориентация на взаимопомощь и неприятие состязательности. Это приоритет спокойной совести и душевной гармонии, а также вера в то, что в любых условиях красота делает человека лучше и чище.

Третью грань, обращенную к детям, назовем «патерналистский гуманизм». На первом плане, естественно, забота о детях, стремление к хорошим отношениям в семье и с друзьями. И в этом контексте - особое внимание тому, чтобы безопасность человека обеспечивали закон и правоохранительные органы.

Во-вторых, либеральный гуманизм - это более **современная** позиция. В сеть ее корреляционных связей вовлечены упомянутые выше модернистские ценности - стремление к успеху и общественному признанию, высокая оценка инициативы, предприимчивости. Более того, в эту сеть оказалась влетена и конфликтующая с гуманизмом ценность власти, о чем пойдет речь ниже, при рассмотрении четвертой макропозиции.

Таким образом, либеральный гуманизм - современная макропозиция, противоречивая, как сама жизнь. Это свидетельствует о ее жизненности.

От потребительского к рациональному конформизму

Вторая макропозиция - «*потребительский конформизм*» - была «заквашена» в 1990 г. на инструментальной ценности следования традициям («жить как все») в сочетании с предпочтением хорошего заработка содержанию труда и готовностью принять «ложь во спасение». Ключевым здесь было суждение: «таким, какой я есть, меня сделали обстоятельства жизни». Эта макропозиция интегрировала три элементарные позиции: потребительский эгалитаризм, патриотичный конформизм и прагматичный неконформизм. В целом она выполняла дифференцирующую функцию, притягивая к себе ту часть населения, которая в большей степени была в плену советского образа жизни и предпочитала оставаться «под колпаком» государственного патернализма. При этом, как было уже тогда замечено, она имела промежуточный характер, выступала как резерв для иных позиций.

К 1994 г. элементарная позиция потребительского эгалитаризма распалась на конформистский эгалитаризм и потребительский индивидуализм (см. приложение 2). Патриотичный конформизм ныне предстает, с одной стороны, в виде эгалитарного конформизма, а с другой стороны - трансформировался в свой антипод, выступая как прагматичный космополитизм, дистанцирующий от тех, кто считает, что нехорошо покидать Родину по своему усмотрению. Прагматичный неконформизм раздвоился: на упомянутый прагматичный космополитизм и на гуманный индивидуализм (жить по своим критериям, при этом помогать бедным и слабым, даже в ущерб себе).

Наряду с дифференциацией, наблюдается и своеобразный синтез прежних элементарных позиций: некоторые ключевые аспекты потребительского эгалитаризма (ра-

венство доходов) и патриотичного конформизма (жить как все, следовать традициям) консолидировались в новую элементарную позицию - «эгалитарный конформизм».

В целом прежний грубоватый потребительский конформизм трансформировался в достаточно современный *рациональный конформизм*. В полной мере испытав на себе в 1991—1993 гг. последствия целого потока лживых обещаний и возмездий за них, многие россияне предпочитают ныне настойчивое стремление к правде, независимо от обстоятельств. Традиционная адаптация к обстоятельствам уступает место более современной апелляции к законам - пусть законы защитят «всех нас» от посягательств на нашу личную безопасность, а если кто и может посягнуть на жизнь человека, так только закон. Добавим к этому готовность сколько угодно заниматься любой работой, которая дает хороший заработок, в сочетании с убеждением, что смысл жизни не в том, чтобы улучшать собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода. Присовокупим также традиционную уверенность, что поскольку Родина у человека одна, то нехорошо покидать ее по своему усмотрению. И еще - почти религиозную надежду, что хотя человеку свойственно разное, все-таки он по своей природе добр.

Таков вполне современный портрет рационального конформизма, приходящего ныне в России на смену прежнему потребительскому конформизму и занимающего 23% одобряемого ценностного пространства. Меняется и облик третьей ценностной макропозиции - «предприимчивого неконформизма», охватывающего примерно такую же часть, 24% этого пространства.

Предприимчивый неконформизм

Ядро *предприимчивого неконформизма* в основном сохраняется. В 1990 г. это были три ценности: инициативность, независимость, нравственность. Из них к 1994 г. определенно сохранились первые две. Сохранилась и ключевая элементарная позиция - цивилизованная предприимчивость, включающая значимость инициативы, поиска нового в работе и в жизни, готовности к риску оказаться в меньшинстве, - в сочетании с готовностью к равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных взглядов, ориентации. По-прежнему один из ценностных девизов этой макропозиции: «я сам сделал себя».

Вместе с тем, прежняя эгоистичная конкурентность замещается потребительским индивидуализмом, который умалчивает о состязательности, но четко ориентирован на свое здоровье и благополучие (а не на свободу), на хороший заработок при любой работе, комфорт для себя и своей семьи («а другие пусть сами о себе заботятся»). При этом он дистанцируется от помощи бедным и слабым, если это сопряжено с каким-либо ущербом себе. А самодостаточный неконформизм приобрел активно выраженные качества деятельности и свободолюбия, - словом, заместился деятельным неконформизмом.

В целом макропозиция предприимчивого неконформизма вобрала в себя и закрепила в качестве еще одного центра своих ориентаций связку таких ценностных аспектов: «взаимопомощь важнее состязательности» плюс «для человека прежде всего важно соотнесение своей личности с жизнью своего поколения и его местом в истории страны». В свою очередь этот тандем связан с исходными ценностными аспектами данной макропозиции - такими как «я сам сделал себя» и «жить по своим собственным, индивидуальным критериям». Преобладают инструментальные ценности. Но в целом совокупность ценностей предприимчивого неконформизма предстает как консолидированная, уравновешенная в своих взаимоотношениях с либеральным гуманизмом и рациональным конформизмом. Она выполняет одновременно как дифференцирующие, так и интегрирующие функции в российском обществе.

Таковы элементарные позиции и макропозиции, существующие на основе одобряемых ценностей. Отрицаемые ценности были в 1990 г. и остаются в 1994 г. представлены одной макропозицией, которую мы по-прежнему характеризуем как властолюбивый эгоизм.

Основное содержание «*властолюбивого эгоизма*» составляли и продолжают составлять две взаимосвязанные инструментальные ценности: «авторитетность» и «вольность»; обе они сопряжены с терминальной ценностью «благополучие», понимаемой в данном случае не только как благоприятные условия жизни, но и как нечто более важное, чем свобода.

Для элементарной позиции властолюбивой достижительности, составляющей ядро макропозиции властолюбивого эгоизма и воспроизведенной в 1994 г., характерны ценностные суждения с такими ключевыми словами: «оказывать влияние на других, иметь власть», «бороться до победы», «быть яркой индивидуальностью», «выразить себя».

Можно сказать, что это характерная для прежней России позиция: упование на авторитарную личность, принципом деятельности которой является вседозволенность. Но, вопреки расхожим представлениям, это отнюдь не одобряемая, а четко отрицаемая позиция: основные ее аспекты отрицали в 1990 г. 33-39% респондентов, а одобряли лишь 18-23%; в 1994 г. соответственно - отрицали 36-57%, а одобряли - 14-21%. Правда, по ряду аспектов уже в 1990 г. было еще больше тех, кто занял промежуточную, колеблющуюся позицию, которая в зависимости от обстоятельств может повернуться в ту или другую сторону.

Об изменениях, произошедших в 1990—1994 г., можно судить по динамике радикалистских элементарных позиций, значительной частью входящих в состав властолюбивого эгоизма. Так, прежний экстравертный максимализм, ориентированный на самовыражение и борьбу до победы над оппонентами, предстает теперь как властолюбивая достижительность, в особенности как криминогенный максимализм, позволяющий по своей воле посягнуть на жизнь другого. Последнее характерно и для прежнего псевдогуманизма, который ныне отказывается от ссылок на право закона лишать человека жизни и присваивает это право себе. В целом радикалистские позиции приобрели еще более четко выраженный криминогенный характер в сочетании с властолюбием.

Уже в 1990 г. было зафиксировано, что самой острой является альтернатива между нравственностью и политической властью: «спокойная совесть и душевная гармония» или «власть, возможность оказывать влияние на других». Тогда 75% респондентов высказались в пользу спокойной совести и лишь 8% - в пользу власти (остальные заняли промежуточную позицию). В 1994 г. это соотношение сохранилось: 80% против 16% (последняя цифра удвоилась за счет уменьшения колеблющихся).

Как видим, по мнению подавляющего большинства россиян, власть несовместима со спокойной совестью и душевной гармонией¹. Это большинство вообще отрицает власть как ценность. Впрочем, такой позиции придерживаются далеко не все. Более того, как видно из приведенных цифр, доля россиян, принимающих ценность власти, быстро выросла. Но немного выросла и доля их противников. Уменьшается лишь процент колеблющихся.

Налицо сохранение и обострение нравственно-политической альтернативы, разделяющей большую часть граждан нашего общества. Это проявляется в резко (в несколько раз) падении доверия россиян всем властям и политическим партиям и движениям, что зафиксировано во многих исследованиях. Новые институты власти все более обнаруживали себя как квазидемократические. Это отчетливо проявилось в результатах парламентских выборов в декабре 1995 г.

³ Заметим, что альтернатива «спокойная совесть или власть» не ставилась перед респондентами непосредственно как таковая. Им были предложены два различных суждения, каждое из которых содержало лишь одну часть альтернативы (одно - о спокойной совести, другое - о власти). Суждения давались не одно за другим, а попеременно с другими суждениями. Словом, мы стремились к тому, чтобы респонденты оценивали каждое суждение в отдельности. Это методическое требование было соблюдено в отношении всех 22-х альтернативных пар суждений.

Значит, таковы люди, действовавшие в этих институтах. Для многих, оказавшихся у власти, их политический статус стал средством достижения материального сверх-благополучия. Для иных - ненасытной потребностью, самоценностью, подчас ослепительной страстью. Подобное *нецивилизованное властолюбие* не терпит конкуренции, противовесов и ограничений, накладываемых демократическим разделением властей, а к населению «этой страны» относится просто как к электорату, заслуживающему быть обманутым. Общественная функция такого властолюбия вырождается в возведение тупиков, вынуждающих общество то и дело возвращаться вспять или двигаться зигзагами между реформацией и реставрацией. Это властолюбие как раз и оказывается тем аттрактором-стрелочником, который чаще других переводит движение кризисного российского социума с орбиты реформации на орбиту реставрации. И если все же наблюдались обратные переходы - на орбиту реформации, - то это свидетельствует о наличии других ценностей (а также иных, неценностных факторов, которые здесь не рассматриваются), действующих в противоположном направлении.

До сих пор речь шла о властолюбивом эгоизме как макропозиции, основанной на отрицаемых ценностных суждениях. Но, как уже было отмечено, в сознании индивидов одобряемые ценности нередко совмещаются с отрицаемыми, переплетаются друг с другом. Подобный симбиоз мы и наблюдаем в содержании такой ценности как авторитетность.

В нашем исследовании *авторитетность* включает в себя следующие аспекты: «влияние на других, власть», «борьба способностей важнее взаимопомощи», «бороться до победы над политическими оппонентами, соперниками», «максимально добиваться общественного признания, успеха». По данным 1990 и 1994 гг., первые три аспекта оказались отрицаемыми, а последний («общественное признание, успех») - одобряемым. Правда, это одобрение имеет скорее формальный характер, с перевесом всего в 2-3% по сравнению с отрицанием; например, в 1994 г.: 28,9% «за», 26,9% «против», 27,2% колеблются. На обоих этапах исследования с помощью факторного и структурно-корреляционного анализа мы зафиксировали наличие устойчивой связи между отрицаемой *властью* и одобряемым *успехом*.

Таковы изменения в содержании и конфигурации ценностных позиций россиян за небольшой отрезок времени. Они свидетельствуют о том, что на уровне макропозиций наблюдается определенная устойчивость структуры ценностного сознания: сохранились все четыре макропозиции, основной их характер - гуманизм, конформизм, неконформизм, властолюбие, а также характер взаимоотношений между ними - конфликт и взаимодополнительность. Вместе с тем, наблюдается определенная модернизация этих позиций: повседневный гуманизм трансформируется в либеральный гуманизм, потребительский конформизм - в рациональный. Возникают новые взаимосвязи между этими позициями, в том числе между остро конфликтующими. На уровне элементарных позиций нарастает дробность ценностного сознания. Создаются предпосылки для дальнейших его изменений. О характере таких изменений можно судить по некоторым тенденциям эволюции социетально-функциональной структуры ценностей россиян.

Модернизация социетально-функциональной структуры ценностей

Повторное исследование показало, что к 1994 г. сохранилась социетально-функциональная структура типов ценностей россиян, зафиксированная в 1990 г. Одновременно произошли заметные изменения в распространенности каждого из этих типов и в положении конкретных ценностей в совокупной их иерархической структуре. Эти

изменения обуславливают возникновение новых социокультурных типов поведения граждан, влияют на их отношение к экономическим и политическим реформам в России.

Ядро, резерв, дифференциал, «хвост» структуры

В соответствии с приведенной выше типологией ценностей мы свели обобщенные данные исследований 1990 и 1994 гг. в табл. 2. В ней отображены количественные изменения в социетально-функциональной структуре базовых ценностей россиян за данный период. Эта структура учитывает *функциональную* роль, т.е. фактическую распространенность базовых ценностей в российском обществе и, соответственно, *интегрирующую* или *дифференцирующую* их *функции*. Как видно из табл. 2, 14 исследованных ценностей образуют четыре устойчивые группы:

- доминирующие, или интегративно-терминальное ядро;
- между оппозицией и доминированием, или интегративно-терминальный резерв;
- оппозиционные, или инструментальный дифференциал;
- ценности меньшинства, или традиционалистский «хвост».

Показательно, что состав всех этих групп, фиксированный трижды, остался почти неизменным, что подтверждает сделанный выше вывод об определенной устойчивости отношения россиян к базовым ценностям. Изменение наблюдается лишь в одном случае: ценность независимости, совершившая рекордный прыжок в высоту, переместилась из группы оппозиционных ценностей в группу, расположенную между оппозицией и доминированием. А вот расположение ценностей внутри групп изменилось, подчас существенно (кроме первой группы).

В сознании россиян терминальные (ориентированные на цели дальнего горизонта) ценности занимают верхнюю часть ранжированного ряда распространенности или одобряемости. Они имеют более высокое положение в общей иерархии ценностей, чем инструментальные (ориентированные на средства достижения целей). Это соответствует природе данных типов ценностей. Правда, наблюдаются два исключения, о которых скажем ниже.

Наиболее распространенными среди россиян в первой половине 90-х годов были и остаются три ценности: законность, общение, семья. В 1990 г. их одобряли 61-65% населения (в горячих точках - 65-80%), к 1994 г. их рейтинг повысился еще на 8-9%, отделившись от ближайшей группы более чем на 13%. Следовательно, это ценности, *доминирующие* в ценностном сознании граждан.

На первом месте - *законность*: не в общеправовом, а в конкретном человеческом смысле, как жизненная потребность в установлении государством такого порядка в обществе, который на деле обеспечивает безопасность индивидов. Это действительно самая острая потребность для 97% населения современной России, поскольку преступность распространилась повсеместно - по месту жительства, в местах отдыха, на транспорте. Не удивительно, что инструментальная ценность законности оказалась, как исключение, впереди терминальных. Особенно велик ее отрыв (80% против 65%) в горячих точках, где царит правовой беспредел.

На втором месте - *общение* (73,9%). Общительность в традициях россиян, отличительная черта нашей культуры. Но в условиях социокультурного кризиса, который обернулся для индивидов кризисом идентичности, особенно возросла роль непосредственных, межличных (лицом к лицу) отношений между людьми. Поэтому почти вдвое острее, чем прежде (43,3% против 25,2%), стали ощущать свое одиночество и заброшенность люди, живущие вдали от родственников и не имеющие друзей. Поэтому и повысилась значимость общения, выйдя на первое место среди терминальных ценностей.

Рядом с общением находится другая терминальная ценность - *семья* (69,3%). В кризисном социуме она стала для большинства россиян центром притяжения их душевных и физических сил. Общение и семья - тесно связанные, универсальные, общече-

Изменение структуры ценностей россиян (1990-1994)

Ценности, их распространенность	Ранги	Июль 1990 г.		Март 1994 г.	Ранги	Ценности, их распространенность	Место ценностей в социокультурной эволюции
		основной массив	горячие точки				
<i>Доминирующие</i>				<i>Доминирующие</i>			
Законность(порядок)	1	65,3	80,0	74,8	1	Законность	Универсальное тер- минально-интегриру- ющее ядро
Общение	2	65,1	67,0	73,9	2	Общение	
Семья	3	61,0	65,0	69,3	3	Семья	
<i>Между оппозицией и доминированием</i>				<i>Между оппозицией и доминированием</i>			
Работа	4	50,0	61,9	56,1	4	Свобода	Модернистский тер- минально-интегриру- ющий резерв
Нравственность	5	48,4	53,15	49,8	5	Независимость	
Свобода	6	46,1	51,0	49,6	6	Жизнь индивида	
Жизнь индивида	7	45,8	50,4	46,7	7	Нравственность	
<i>Оппозиционные</i>				<i>Оппозиционные</i>			
Самопожертвование	8	44,0			8	Работа	Бивиллизационный инструментальный дифференциал
Традиционность	9	41,0	44,0	44,0	9	Инициативность	
Независимость	10	40,0	40,0	37,1	10	Традиционность	
Инициативность	11	36,2	38,3	34,3	11	Самопожертвование	
<i>Ценности меньшинства</i>				<i>Ценности меньшинства</i>			
Вольность	12	23,3	32,0	25,0	12	Благополучие	Универсально-тради- ционный «хвост»
Благополучие	13	23,0	23,9	24,7	13	Вольность	
Авторитетность	14	18,0	20,0	19,6	14	Авторитетность	

ловеческие ценности. Думается, что и высокое значение инструментальной законности несет на себе яркую окраску этих терминальных ценностей. Поэтому триаду «законность - общение - семья» в целом можно рассматривать как *универсально-терминально-интегрирующее ядро* базовых ценностей, всего ценностного пространства россиян.

Это ядро имеет *интегрирующий резерв* в виде группы *терминальных* ценностей, преимущественно современного, *модернистского* характера: свобода, независимость, жизнь человека. С ними соседствуют общечеловеческие ценности - нравственность, работа. Вся эта группа ценностей находится как бы на экваторе распространенности базовых ценностей: их одобряли в 1990 г. 46-50%, а в 1994 г. - 44-56% россиян, т.е. она занимает положение между доминирующими и оппозиционными ценностями. Поэтому одновременно она может взаимодействовать и с оппозиционными ценностями, пополняясь за их счет, или в свою очередь пополняя их.

Собственно оппозиционные ценности (36-44% в 1990 г., 34-44% в 1994 г.) являются **исключительно инструментальными**, но **различными** по цивилизационному характеру: инициативность — модернистская ценность, а традиционность и самопожертвование - традиционные. Консолидируя своих сторонников, те и другие ценности обособляют их от остального населения, т.е. от большинства. Поэтому данную группу ценностей можно определить как *бицивилизационный инструментальный дифференциал*.

Наконец, ценности явного меньшинства (в течение всего периода - в интервале 18-25% одобренных) образуют *универсально-традиционный хвост*. Здесь вместе оказались традиционалистская вольность и универсальные благополучие и авторитетность. Это столь же стабильная по составу группа, как и «ядро». В ее иерархии произошла лишь небольшая перестановка мест: благополучие повысило свой статус за счет снизившейся на 7% распространенности вольности.

Прогнозные оценки

Что можно сказать о тенденциях изменений всей структуры ценностей в целом? Прежде всего за короткий отрезок времени произошла заметная ее модернизация. На 8-10% повысилась распространенность таких ценностей современного общества как свобода, независимость, инициативность. Одновременно снизилась распространенность таких ценностей традиционного общества как самопожертвование, следование традициям, вольность.

Можно предположить, что в ближней перспективе сохранится направление наблюдаемых изменений. Скорее всего, «ядро» останется в том же составе, но резервные ценности свободы и независимости приблизятся к нему. Инициативность может подняться в группу модернистского резерва, а самопожертвование, напротив, спуститься в «хвост». С другой стороны, не исключено, что ценность работы и нравственности еще немного снизится, и они окажутся в составе «дифференциала»; напротив, сюда же может подняться ценность благополучия.

Существенным аспектом модернизации характера ценностей служит *рационализация смыслов* жизнедеятельности россиян. Еще пять лет назад большинство связывало решение своих жизненных проблем прежде всего с деятельностью властей - правительства, директора предприятия и т.д. Свою же роль в решении собственных проблем видели где-то на четвертом-пятом месте. В 1994 г. уже около 55% респондентов надеялись прежде всего на самих себя и во вторую очередь - на общероссийскую и иные власти. Можно возразить: это потому, что власти стали безразличны к человеку. Да, во многом это так. Но верно и то, что объективно индивид оказался в положении, побуждающем его действовать самостоятельно, отказываясь от прежних мифов в пользу рациональных аргументов. Это и есть один из ключевых признаков движения к открытому обществу [9].

Есть основания подтвердить сделанный ранее вывод [4, с. 8]: **ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к**

модернистской системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция-аттрактор, втягивающая российское общество в социокультурную реформу.

Этот вывод о месте России в социокультурном пространстве Европы, современной цивилизации в целом коррелирует с результатами других (правда, весьма немногочисленных) социологических исследований по сходной проблематике. Так, по данным Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, Россия нормально вписана в европейский социокультурный процесс и, сохраняя свою специфику, находится по соседству с Италией [10]. По результатам Института сравнительных исследований, Россия по критерию материалистичности/постматериалистичности сознания населения является наиболее материалистичной среди 17 европейских стран (ее индекс = 3,4), но при этом не наблюдается значительного ее отрыва от других стран: она находится вблизи Австрии (3,6) и Греции (4,1) [11]. Наше исследование также показало, что в сознании россиян доминирует материалистичность: из шести учитываемых (первых и вторых) выборов большинство получили пять материалистичных и лишь одно постматериалистичное утверждение.

В целом вопрос о положении России в европейском социокультурном пространстве обсуждается преимущественно на социально-философском или политологическом уровне. Об этом свидетельствует ряд интересных публикаций, появившихся в последнее время [12-14]. В прессе же преобладают публицистически-эмоциональные оценки. Для обоснованных констатаций и прогнозов необходимы новые репрезентативные исследования с использованием апробированных, в том числе международных методических инструментов.

Результаты таких исследований будут иметь не только познавательное, но и прикладное значение. Они позволят выявить основные социокультурные типы отношений россиян к экономическим реформам и оказывать более направленную, адресную поддержку соответствующим категориям населения. Они также повысят надежность прогнозов относительно динамики спроса различных социокультурных групп россиян на товары длительного пользования, равно как и относительно их инвестиционных намерений и политических предпочтений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 171.
2. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н.И. Лапина. Л.А. Беляевой. М., 1994. Гл. 5.
3. Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социол. испед. 1993. № 9.
4. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социол. испед. 1994. №5.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 628-630.
6. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York, Lnd.: The Free Press. 1973.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979. С. 47-52.
8. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988. С. 129-134.
9. Поппер К Открытое общество и его врага. М., 1992. Т. 1. С. 218-220.
10. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социол. журн. 1994. № 3. С. 4-19.
11. Андрееenkova А.В. Материалистические / постматериалистические ценности в России //Социол. испед. 1994. № П. С. 73-81.
12. Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. СМ. Матвеевой. М., 1994.
13. Панарин А С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995.
14. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова ВТ. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.

Элементарные ценностные позиции (факторы) 1994 и 1990 гг.

Позиции 1994 г.	Позиции 1990 г.										
	повсед- невный гума- низм	потреби- тельный эгалита- ризм	патрио- тичный конфор- мизм	цивилиза- ционная предприим- чивость	прагматич- ный псевдогу- манизм	экстра- верт- ный макси- мализм	кримино- генный негативизм	эгоистич- ная кон- курент- ность	властоло- бивая достижи- тельность	прагматич- ный конфор- мизм	само- доста- точный нонкон- формизм
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Исконный гуманизм	+										
2. Повседневный гуманизм	©										
3. Властолобивая достижи- тельность						+			©		
4. Эгалитарный конформизм		+	+								
5. Патерналистский гуманизм	+										
6. Цивилшационная предприим- чивость				+							
7. Криминогенный максимализм					+	+	+				
8. Потребительский индиви- дуализм		+						+			
9. Экзистенциальный рациона- лизм							+				
10. Деятельный нонконформизм											+
11. Гуманный индивидуализм										+	
12. Прагматичный космопо- литизм										+	
13. Скептический реализм							+				
14. Свободолюбие							+				+

+ Соответствие позиций.

© Близкое соответствие позиций.

Элементарные ценностные позиции (1994 г., 44 переменных, 14 факторов, 62% дисперсии)

Факторы			Наиболее значимые переменные		
№/№	ценностные позиции	% дисперсии 10,7	№/№	ценностные аспекты суждений (переменных) - продолжение рода	корреляции
			23	- соотносить себя с поколением	0,62
			21	- уважение к традициям	0,58
			9	- хорошие отношения	0,50
			31	- никто не вправе лишать жизни	0,33
2.	Гуманизм повседневный	8,0	13	- взаимопомощь	0,72
			6	- забота о стариках	0,68
			37	- красота делает человека лучше, чище	0,55
			11	- спокойная совесть	0,49
			-14	- состязательность	-0,51
			-2	- выразить себя	0,65
3.	Властолюбивая достижительность	6,6	-12	- власть, влияние	0,61
			20	- быть яркой индивидуальностью	0,56
			17	- равенство возможностей	0,46
			-44	- смысл жизни не в потемках, а в улучшении своей жизни	0,43
			10	- признание, успех	0,40
4.	Эгалитарный конформизм	5,1	-19	- жить, как все	0,76
			-18	- равенство доходов, положения, условий	0,71
5.	Патерналистский гуманизм	4,5	21	- уважение к традициям	0,39
			3	- закон должен обеспечивать безопасность	0,75
			5	- забота о детях	0,75
			9	- хорошие отношения	0,38
6.	Цивилизованная предприимчивость	4,2	15	- равноправный диалог	0,71
			22	- инициатива, предприимчивость	0,61
			-40	- благополучие, а свобода второй вопрос	0,42
			11	- спокойная совесть	0,40
7.	Криминогенный максимализм	3,7	32	- иногда приходится лишать жизни	0,75
			-30	- можно посягнуть на жизнь другого	0,52
			-16	- бороться до победы	0,40
			31	- никто не вправе лишать жизни	-0,56
8.	Потребительский индивидуализм	3,4	-1	- здоровье, благополучие	0,70
			8	- комфорт для себя и семьи	0,54
			42	- заработок	0,48

			40	- благополучие	0,40
			7	- помогать бедным и слабым, даже в ущерб себе	-0,44
9.	Экзистенциальный рационализм	3,0	29	- закон не может посягнуть на жизнь	0,68
			34	- зло неискоренимо	0,60
			35	- всегда стремиться к правде	0,49
10.	Деятельный неконформизм	3,0	27	- я сам сделал себя	0,77
			35	- всегда стремиться к правде	0,46
11.	Гуманный индивидуализм	2,8	24	- жить по своим критериям	0,75
			7	- помогать бедным и слабым, даже в ущерб себе	0,44
			4	- самому заботиться о безопасности	0,38
12.	Прагматичный космополитизм	2,6	26	- жить, где нравится	0,74
			36	- иногда нужна ложь во спасение	0,57
			25	- Родина одна	-0,52
13.	Скептический реализм	2,4	-34	- зло неискоренимо	0,33
			39	- в свободе смысл жизни	-0,30
			33	- человек добр	-0,81
14.	Свободолюбие	2,3	38	- красота не поможет	0,79
			28	- таким меня сделала жизнь	0,47

Приведены все переменные с значениями их корреляций в составе факторов от 0,40 и выше, в некоторых случаях учтены переменные с корреляциями от 0,30 и выше.

Номера переменных соответствуют номерам ценностных суждений в полном их списке [2].

Минус (-) перед номером означает, что соответствующее суждение относится к числу отрицаемых (больше респондентов отрицают, чем одобряют).

Ценности и ценностные макропозиции

Приложение 3

Ценности	Гуманизм		Конформизм		Нонконформизм		Властолюбие	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
1. Жизнь человека	+	+				+		
2. Свобода	+	+	+	+	+			
3. Нравственность	+	+			+			
4. Общение	+	+			+	+		
5. Семья	+	+		+				
6. Работа	+		+		+			
7. Благополучие				+			+	+
8. Инициативность		+			+	+		
9. Традиционность	+	+	+	+	+	+		+
10. Независимость	+				+	+		
11. Самопожертвование	+							
12. Авторитетность		+					+	+
13. Законность	+			+	+	+		
14. Вольность							+	+

+ Соответствие позиций.